
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья

УДК 342.8

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.3

Босова Елена Николаевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

bosova_elena@mail.ru

ТАЙНОЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ: ТРАДИЦИОННОЕ И ДИСТАНЦИОННОЕ

Аннотация. Применение в современном избирательном процессе дистанционного электронного голосования выявило недостатки гарантированности избирательных прав при реализации принципа тайного голосования. Действующее избирательное законодательство обеспечивает тайность волеизъявления избирателей при традиционном голосовании, то есть с использованием бумажного бюллетеня. Тайное волеизъявление избирателей при дистанционном электронном голосовании законодательно не защищено. Внедрение современных технологий голосования требует расширения правовых гарантий принципов демократических выборов.

Ключевые слова: выборы, тайное голосование, избиратель, дистанционное электронное голосование, избирательный процесс

Для цитирования: Босова Е.Н. Тайное волеизъявление избирателей: традиционное и дистанционное / Е.Н. Босова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 27–33.

Bosova Elena Nikolayevna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, bosova_elena@mail.ru

VOTERS SECRET WILL EXPRESSION: TRADITIONAL AND REMOTE

Abstract. The use of remote electronic voting in the modern electoral process has revealed shortcomings in guaranteeing electoral rights in the implementation of the principle of secret voting. Current electoral legislation ensured the secrecy of the will of voters in traditional voting, that is, on paper ballot. The secret expression of the voters will in remote electronic voting is not legally protected. The introduction of modern voting technologies requires the legal guarantees of the principles of democratic elections.

Keywords: election, secret voting, voter, remote electronic voting, election process

For citation: Bosova E.N. Voters Secret Will Expression: Traditional and Remote. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2023, no. 1, 27–33 pp. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.17.3.

В период активного внедрения в российский избирательный процесс дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) все заметнее становится отличие сложившейся традиционной процедуры тайного голосования избирателей с использованием бумажного бюллетеня от процедуры голосования с использованием дистанционных электронных технологий. Интерес представляет не только техническая сторона процедуры голосования с использованием технологий блокчейн, но и установление правовых гарантий тайного волеизъявления избирателей.

Принцип тайного голосования с использованием бумажного бюллетеня, так называемого традиционного способа голосования, достаточно хорошо изучен в юридической литературе и закреплён в действующем избирательном законодательстве. Он означает процедуру подачи голосов, исключая контроль за волеизъявлением избирателей, при этом гарантируя полную свободу волеизъявления гражданина [1, с. 60].

Гарантии при традиционном голосовании с использованием бумажного бюллетеня обеспечиваются отсутствием контроля за волеизъявлением избирателя. Для этого избирательный участок оборудуется специальными кабинками для голосования, в которых отсутствует фото- и видеосъёмка, присутствие в них других лиц исключается, бумажный бюллетень не подписыва-

ется избирателем, не нумеруется и опускается в урну для голосования либо в технические средства подсчета голосов при их использовании (ст. 7, п. 8, 11 ст. 64 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», далее – ФЗ № 67). Таким образом, проследить за волеизъявлением избирателя не представляется возможным, кроме того, нарушение тайны голосования членами избирательной комиссии или другими должностными лицами рассматривается как уголовное преступление, предусмотренное ч. 1–2 ст. 141 УК РФ.

При ДЭГ складывается иная ситуация. Как видится, принцип тайного голосования избирателей достаточно условен. Это проявляется в следующем. Во-первых, избиратель должен быть пользователем федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» с действующей подтвержденной учетной записью. Во-вторых, блокчейн-технологии, применяемые при ДЭГ, позволяют сохранить всю процедуру голосования, поэтому у лиц, имеющих доступ к этой системе, есть возможность установить избирателя и результат его волеизъявления. Хотя круг лиц, имеющих доступ к сохраненным данным, ограничен, их статус законодательством в полной мере не определен. Поэтому в своем особом мнении к протоколу избирательной комиссии от 11 сентября 2022 г. член территориальной избирательной комиссии с правом решающего голоса Е.В. Дроздов справедливо обозначил необходимость установления статуса работников технической службы, обеспечивающих работу данной системы голосования¹.

Важно также, что система ДЭГ не гарантирует того, что голосование не будет принудительным или купленным [2, с. 53].

Кроме того, опасение о сохранении тайны волеизъявления избирателей вызывает и то, что голосование осуществляется с использованием сети Интернет и нельзя исключить несанкционированного проникновения в систему. Надежность используемой системы от взлома и просмотра сохраненных данных пока туманна. Полагаю, что при использовании ДЭГ уровень доверия к власти должен быть достаточно высок, поскольку процедуру голосования обеспечивают органы власти и они же имеют доступ к сохраненным голосам избирателей. Как видится, способствовать укреплению доверия об-

¹ Особое мнение к протоколу Территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования об итогах дистанционного электронного голосования [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1678991968&tld=ru&lang=ru&name=osoboe-mnenie-drozдов.pdf&text> % (дата обращения: 15.12.2022).

щества к государству позволит единообразная и достоверная информация о процедуре ДЭГ и рисках ее применения.

Получается, что при дистанционном электронном голосовании гарантия тайного волеизъявления не может быть обеспечена полностью. Как отметила Т.О. Трущалова, одной из проблем применения ДЭГ является невозможность одновременного обеспечения принципа тайны голосования и достоверности учета голосов избирателей [3, с. 32].

В основе блокчейна лежат технические характеристики. Не все блокчейны одинаковы по своим возможностям. Общественность, прежде всего, интересуется, насколько можно доверять результатам голосования с использованием блокчейн-технологий и есть ли у администрации возможность их изменить. Как пояснили в своем исследовании С.Э. Либанова и Е.В. Былинкина, «судя по представленной Ростелекомом системе ... можно предположить, что система дистанционного электронного голосования ставится в зависимость от централизованного управления. Эта проблема ставит под вопрос соответствие системы дистанционного электронного голосования в том виде, в котором она существует сейчас, основным требованиям, которые предъявляются законодательством к избирательному процессу» [4].

Действующее избирательное законодательство Российской Федерации, разработанное под традиционную процедуру голосования с использованием бумажного бюллетеня, объективно не отвечает требованиям современного избирательного процесса.

Как отметил в своем исследовании А.Е. Постников, получившая в последнее время распространение практика подзаконного правового регулирования отдельных избирательных процедур ЦИК РФ, в частности ДЭГ, может носить только временный характер. Всестороннее регулирование соответствующих избирательных прав граждан необходимо осуществлять федеральным законом. Ученый допускает конкретизацию отдельных норм федерального закона на уровне подзаконных актов избирательных комиссий [5, с. 41].

Как отмечают А.А. Ларичев и В.А. Ржановский, для устранения критики в отношении ДЭГ необходимо в федеральном законе установить требования к технической стороне ДЭГ, что позволит снизить степень напряженности со стороны общественности по поводу отсутствия обеспечения открытости голосования с использованием ДЭГ, возможности вмешательства в процесс голосования и подсчет голосов, а также нарушения принципа тайного голосования [6, с. 40]. Требования к информационным системам ДЭГ должны обеспечивать их защищенность от искажения волеизъявления избирателей с сохранением тайны волеизъявления, а также открытость для наблюдения за функционированием информационных систем [6, с. 42].

По сути, сегодня, при осуществлении ДЭГ, использовать ФЗ № 67, устанавливающий гарантии избирательных прав граждан, не представляется возможным, поскольку закон не регулирует эти вопросы, лишь наделяет избирательную комиссию полномочием по регулированию технических проблем данного голосования. В действительности гарантии прав и свобод граждан могут определяться только федеральным законом (п. «в» ст. 71 Конституции РФ) и в соответствии с ним законами субъектов Российской Федерации (п. «б» ст. 72 Конституции РФ).

Электронный след не может быть обезличен в принципе, поэтому возрастают требования к доступу и хранению информации в блокчейн-программе.

Страны, использовавшие блокчейн для ДЭГ, отмечают как достоинства этой технологии, так и недостатки, встречается практика отказа от нее уже после первого применения [4].

К сожалению, в Конституции РФ принципы избирательного права закреплены только для президентских выборов (глава государства избирается на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании – ст. 81). В действительности недостатки конституционного регулирования избирательного права, в частности отсутствие специальной главы об избирательной системе, восполняются в законах о выборах, и прежде всего в ФЗ № 67. Как справедливо отмечает М.В. Баглай, «основные принципы избирательного права применительно ко всем органам публичной власти и должностным лицам нуждаются не только в законодательных, но и в конституционных гарантиях» [цит. по: 1, с. 61]. Не можем не согласиться с данным мнением.

С одной стороны, ДЭГ привлекает рядом положительных моментов. Например, электронное голосование с помощью блокчейн-технологии способно зафиксировать голос избирателя, повышает явку, государство может эффективно бороться с абсентеизмом, налицо экономическая эффективность и прозрачность процесса голосования.

Обозначенная в статье проблема является предметом научной дискуссии и обсуждение возможных мер, направленных на преодоление негативных моментов. В частности, А.В. Рыбин считает, что «наиболее эффективным средством для контроля за ДЭГ является модификация процедуры тайного голосования. В этом случае каждый избиратель должен иметь реальную возможность проследить правильный учет своего голоса в итоговом протоколе комиссии» [7, с. 161].

Сегодня применяемые инновационные способы голосования, открыв новые возможности, определяют задачу государства по обеспечению гарантии избирательных прав в, казалось бы, устоявшихся принципах демократи-

ческих выборов. Безусловно, на обеспечение гарантии тайного голосования избирателей при ДЭГ потребуется время, поскольку необходимы новеллы избирательного законодательства и, возможно, изменения и в технической реализации ДЭГ.

Список источников

1. Лебедева Н.В. Принципы избирательного права: понятие и проблемы правового закрепления / Н.В. Лебедева // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 56–61.
2. Лопатин А.И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России: вопросы права / А.И. Лопатин // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 43–55.
3. Трущалова Т.О. Российская модель дистанционного электронного голосования в контексте зарубежной избирательной практики / Т.О. Трущалова // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 25–33.
4. Либанова С.Э. Технология блокчейн: возможности и риски применения в избирательном процессе / С.Э. Либанова, Е.В. Былинкина. – DOI 10.18572/1812-3767-2021-2-34-38 // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – С. 34–38.
5. Постников А.Е. О пределах подзаконного регулирования избирательных прав граждан / А.Е. Постников // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 31–42.
6. Ларичев А.А. Развитие дистанционного электронного голосования в России: конституционно-правовой аспект / А.А. Ларичев, В.А. Ржановский // Журнал российского права. – 2022. – № 9. – С. 35–52.
7. Рыбин А.В. Правовые средства защиты результатов волеизъявления избирателей в условиях пандемии / А.В. Рыбин // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 152–166.

References

1. Lebedeva N.V. Principles of the Voting Right: Notion and Problems of Legal Confirmation. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2016, no. 9, pp. 56–61. (In Russian).
2. Lopatin A.I. Digitalization of Electoral Actions and Procedures in Russia: Legal Issues. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 5, pp. 43–55. (In Russian).

3. Truschalova T.O. The Russian Remote Electronic Voting Model within the Framework of the Foreign Electoral Practice. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2022, no. 5, pp. 25–33. (In Russian).

4. Libanova S.E., Bylinkina E.V. Blockchain Technology: Opportunities and Risks of Application in the Electoral Process. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2021, no. 2, pp. 34–38. (In Russian). DOI 10.18572/1812-3767-2021-2-34-38.

5. Postnikov A.E. On the Limits of the Bylaw Regulation of Citizens' Electoral Rights. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 5, pp. 31–42. (In Russian).

6. Larichev A.A., Rzhanovsky V.A. Development of Remote Electronic Voting in Russia: Constitutional and Legal Aspect. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 9, pp. 35–52. (In Russian).

7. Rybin A.V. Legal Means of Protecting the Results of the Expression of the Voters' Will in a Pandemic. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, no. 2, pp. 152–166. (In Russian).

Информация об авторе

Босова Елена Николаевна –
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
государственного права
Института права

Information about the Author

Bosova Elena Nikolayevna –
Candidate of Sciences(Law), Associate
Professor of the Chair of State Law,
Institute of Law

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 17.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 17.03.2023.